После того, как закончил есть, Гу Цзянань, как и раньше, молча слушал лекцию.

Днем после школы Е Чен тихо последовала за Гу Цзянань. Увидев, как он сворачивает в переулок, Е Чен поспешила его догнать. В результате, когда она свернула за угол, она увидела Гу Цзянань, стоявшего на перекрестке и ожидающего ее. Он, очевидно, уже давно понял, что она следит за ним.

Е Чен чувствовала себя немного неловко, а Гу Цзянань был удивлен. После того, как они некоторое время смотрели друг на друга, Е Чен с каменным лицом поздоровалась: «Какое совпадение встретить тебя здесь».

Гу Цзянань, вероятно, никогда не видел ее равнодушной, поэтому какое-то время он никак не отреагировал, прежде чем повернуться и уйти. Это выглядело очень предсказуемо. Е Чен поспешно догнала его и стала сыпать вопросы, чтоб хоть как-то разгвоворить: «Цзянань, ты идешь домой? Может, я отвезу тебя? Хочешь, я понесу твою школьную сумку? Как насчет того, чтобы вместе поужинать?

Гу Цзянань проигнорировал Е Чен. Она следовала за ним до самой двери дома. Это была старая часть города. Узкие улочки были плотно застроены зданиями. Пространства между зданиями почти не было, а переулки были завешены одеждой.

Гу Цзянань наконец остановился. Он молча посмотрел на Е Чен. Хоть он ничего не сказал, но Е Чен ясно поняла по этому згляду, что он говорит ей уйти.

Е Чен коснулась кончика носа и смущенно сказала: «Тогда я пойду… Завтра я принесу тебе завтрак, что ты хочешь поесть?»

Гу Цзянань ничего не ответил и, развернувшись, стал снова уходить. Когда он был уже далеко и не смог бы её увидеть, Е Чен снова последовала за ним. Сгорбившись как кошка, она присела за ступеньки и увидела, как он вошел в квартиру на первом этаже многоквартирного дома. Это была обшарпанная деревянная дверь, на которой была прилеплена белая потертая надпись в виде иероглифа. Выяснив, где он живет, Е Чен вышла из переулка. Система не удержалась и вздохнула: «Ты совсем как сталкер-извращенец».

Е Чен: «…»

Она проигнорировала систему и пошла прямо в ресторан, чтобы выбрать несколько блюд для Гу Цзянань. Она выбрала немного мяса и овощей, сложила их в коробку для бенто и добавила рис, прежде чем неторопливо пойти обратно. Как только она подошла к двери, Е Чен услышала яростные крики и ругань мужчины вместе со звуком кнута.

Е Чен была ошеломлена. Она посмотрела на иероглиф на табличке двери, ещё раз убедившись что это дверь Гу Цзянань.

Крики мужчины внутри продолжались, но человека, на которого кричали, не было слышно. Через некоторое время раздался нетерпеливый женский голос: «Перестань бить уже, ты столько денег проиграл… Его бесполезно бить, иди и поешь сначала.»

Мужчина наконец остановил руку. Звуки еды смешались со звуками брани. Е Чен держала в руке коробку с бенто и какое-то время не знала, что делать. Наконец, решившись, пошла к задней части дома, чтобы найти окно квартиры. Судя по виду из окна, это была очень маленькая комната. Она была до краев заполнена всевозможными вещами: ободранный старый диван, телевизор многолетней давности, цементный пол; газеты, наклеенные на стену, где-то

отвалилась краска…

Два человека на кухне, были заблокированы стеной, так что их нельзя было увидеть, но Гу Цзянань, лежащего на полу неподвижно, можно было прекрасно разглядеть. На пол текла кровь, и он, вероятно, испытывал сильную боль, свернувшись калачиком.

«Все еще не встал?!» — Мужчина крикнул: «Я забью тебя до смерти, если ты и дальше будешь притворяться мертвецом!»

Гу Цзянань наконец шевельнулся. Он держался за живот, пытаясь удержаться на ногах. Как только он встал, он заметил Е Чен, стоящую у окна.

Е Чен смотрела на него многозначительным взглядом. Она будто потеряла свою обычную озорную энергию, она просто спокойно смотрела на него так, как будто принимала решение. Позади нее сияло заходящее солнце, купающее ее в теплом свете, как тарелку каши, которую она дала ему сегодня утром, и как коробку с бенто в ее руках.

Гу Цзянань опустил глаза и приготовился идти в другую комнату, где она не сможет его увидеть, как вдруг Е Чен начала мяукать. Гу Цзянань посмотрел на неё и Е Чен поманила его рукой. Гу Цзяньань стоял на месте, прежде чем через некоторое время, наконец, шаг за шагом подойти.

Его шаги были очень медленными, и он, казалось, испытывал сильную боль. Он остановился перед ней, и она протянула ему коробку. Гу Цзянань дотронулся до еще теплого бенто и покачал головой.

В доме не было места, в котором можно что-то спрятать. Он не мог ничего принять от нее. Е Чен, похоже, тоже это знала и не принуждала. Она поставила коробку, вытащила из школьной сумки ручку с бумагой и написала строчку: «Я буду неподалёку. После того, как они уснут, ты откроешь дверь, и я уведу тебя».

Она оторвала листик, протянула ему и отошла от окна. Гу Цзянань взял эту записку и опустил глаза.

Он хотел выбросить эти каракули, но когда подумал о каше утром, о голодании и побоях каждый день, то почувствовал, что уже больше не может этого терпеть.

Этот листик казался ему единственным спасением. Он присел на корточки, потер бумагу, посмотрел на кривую надпись и тихонько обнял ее, прижав к сердцу.

Он хотел уйти отсюда. Он должен был уйти от такого образа жизни, во что бы то ни стало!

Е Чен подошла к ступенькам неподалеку, села и посмотрела на людей в окне. Она открыла коробку и начала есть.

«Куда ты собираешься его вести?»— Система сказала с некоторым беспокойством: «Ты должна учитывать, что вы еще несовершеннолетние…»

«Сперва спрячу его.»— Е Чен чувствовала себя беспомощной: «Он не может больше оставаться здесь. Кто бы это ни был, любой, кто жил такой жизнью, сделал бы такой же выбор, как и он».

Сказав это, Е Чен откусила кусочек риса. По неизвестной причине ей стало тяжело на сердце.

Она смотрела на ребенка и не знала почему, но вспомнила того холодного молодого человека из будущего. Человек, который стал достаточно могущественным, чтобы позже разрушить мир, был в этот момент в таком жалком положении.

Е Чен вздохнула, не в силах больше есть.

В конце концов, она с большим трудом дотерпела до десяти часов, когда те люди заснули. Сначала в доме выключили свет для экономии электричества. Вскоре Гу Цзянань сел у окна и посмотрел в сторону Е Чен.

Она все это время была там.

Осознание этого успокоило Гу Цзянань.

Он прижался к окну, прислушиваясь к звуку секундной стрелки на часах. Затем раздался храп мужчины. Он подождал немного, а затем поднялся.

Е Чен внимательно следила за каждым его шагом, с тех пор как в квартире выключился свет. Как только он встал, она тут же поднялась. С торжественным лицом она подняла руку и отсалютовала, сказав: «Сэр, я готова».

Ее торжественность заразила Гу Цзянань, тогда он кивнул ей.

Это был его первый ответ ей!

Она сделала большой шаг к спасению мира!

Спонтанно возникло ощущение, что это и есть ее миссия. Е Чен чувствовала себя воином, на которого высшее командование возлагало большие надежды. Когда она бросилась к двери дома семьи Гу, Гу Цзянань как раз открывал её.

В это время луна была такой яркой среди бесчисленных звезд… В темноте появилось лицо юноши. Лунный свет дюйм за дюймом падал на его холодные и тонкие черты лица, создавая волнующую душу красоту.

Сердцебиение Е Чен внезапно участилось. Она прислушивалась к дыханию парня и чувствовала, что все ее тело пронзила дрожь, как будто она воровка на задании.

Гу Цзянань тоже немного дрожал, осторожно закрывая дверь. В тот момент, когда щелкнул дверной замок, Е Чен, наконец, больше не смогла этого вынести. Она схватила его за руку и выбежала из переулка.

Гу Цзянань был ошеломлен, но не сопротивлялся. Даже если он чувствовал боль на каждом дюйме своего тела, даже если школьная сумка со всеми его вещами билась об него и усиливала боль, он все равно терпеливо бежал с Е Чен.

Рука Е Чен была очень мягкой, в ней было странное тепло, когда она держала его ледяное запястье. Гу Цзянань спокойно посмотрел на паническое выражение лица девушки и почему-то почувствовал, что девушка с фиолетовыми волосами и густым макияжем под лунным светом необычайно красива.

Е Чен всегда одевалась убийственно, что полностью противоречило эстетике окружающих. Взрывное лиловое нечто, густой макияж, скрывающий все черты лица; она всегда чувствовала,

что только такой макияж может считаться уникальным и подчеркивать ее необычайное обаяние— ведь все в ее кругу одевались так же.

Раньше он не осматривал ее так внимательно. Девушка в его памяти была просто взрывоопасным фиолетовым нечто, но, пристально глядя на нее сегодня, Гу Цзянань действительно почувствовал, что в ней есть много … неописуемой, неопределимой красоты.

Гу Цзянань немного смущенно повернул голову в сторону. Когда они выбежали на улицу, Е Чен наконец успокоилась и остановилась, тяжело дыша: «Они не будут преследовать нас, верно? Они же не придут?»

Гу Цзянань ничего не сказал, но Е Чен не удивлялась. Она уперлась руками в колени, а по лбу катились крупные капли пота. Она махнула рукой и сказала: «Не беспокойся, я знаю, что они не придут. Я просто пугаю себя. Я немного нервничаю».

Изначально она не думала о том, чтобы получить ответ от Гу Цзянань, и планировала просто поболтать в одиночестве. В конце концов, проблему Гу Цзяньань нельзя было решить за день или два.

Но после того, как она сказала это, то услышала в ответ: «Мм».

Е Чен все еще была в той же позе, держась за колени, когда услышала его, то удивленно подняла голову и непонимающе посмотрела.

Гу Цзянань смотрел на пару ее больших глаз, в которых отражалось удивление, и не мог не подумать о котенке, который у него раньше был. Его неизменно холодный силуэт не мог не смягчиться, когда он продолжил: «Голоден».

Прошло слишком много времени с тех пор, когда он в последний раз говорил, поэтому составить полное предложение было проблемно. Даже такое слово произносилось с большим трудом. Е Чен, наконец, отреагировала, вскочила и сказала: «Я знаю, я знаю! Я отвезу тебя… отвезу на шашлыки!

Гу Цзянань кивнул. Затем Е Чен вспомнила о травмах и быстро спросила: «Твои раны все еще болят?»

Гу Цзянань покачал головой, но Е Чен все еще была встревожена, тогда она потянулась к его сумке и, забрав, повесила себе на плечо.

Двое шли бок о бок по улице. Е Чен отвела его к палатке с барбекю. Гу Цзянань просто указывал на то, что хотел съесть, а Е Чен смотрела на это и членораздельно произносила название блюда. Таким образом, Гу Цзянань понял, что она имела в виду, а затем с большим трудом произносил название, для заказа.

Его голос был очень приятным, но каждое слово фальшивило, что делало его особенно трудным для понимания. Е Чен вела себя так, будто не слышала его неправильного произношения, и относилась к нему как к любому другому обычному человеку. Она болтала с ним и ела барбекю.

Шашлык был очень вкусным, лучше, чем любая еда, которую он когда-либо ел. Гу Цзянань прочувствовал всё, и как его желудок согрелся, и запах дыма вокруг, прислушивался к окружающему шуму и болтовне девушки. Впервые в жизни он чувствовал такое тепло и спокойствие. Было необъяснимое чувство удовлетворения, и он чувствовал, что прямо сейчас у

него не будет никаких сожалений, даже если он умрет в этот момент.

Е Чен не заметила настроения Гу Цзянань. Для нее это было все равно, что привести ребенка на барбекю.

Система не выглядывала, чтобы не нарушить такую теплую атмосферу, и полностью отключилась. После того, как Е Чен и Гу Цзянань поели, она оплатила счет, нашла незакрытый магазин одежды и наугад купила комплект одежды для Гу Цзянань. Затем она зашла в небольшой супермаркет, чтобы купить зубную щетку и полотенца. После этого она посадила его в автобус и повела к себе домой.

От начала до конца Гу Цзянань ни разу не спросил, куда она ведет его. Когда они прибыли в квартиру Е Чен, он, похоже, даже не удивился. Его лицо оставалось очень холодным. Только когда Е Чен поставила тапочки перед ним, Гу Цзянань наконец изменил выражение лица.

Е Чен была сбита с толку. Система, наконец, открыла рот, чтобы напомнить ей: «Носки дырявые».

Е Чен: «…»

Она сделала вид, что не заметила его лица, и обернувшись сказала: «Я пойду нарежу фруктов. Ты сначала посиди немного, а потом я покажу ванную.

Она отвернулась, и Гу Цзянань наконец вздохнул с облегчением. Он быстро разулся, снял носки, тихо завернул их в бумагу, выбросил в мусорное ведро, а потом тихонько сел на диван.

Е Чен положила нарезанную мускусную дыню на стол и сказала: «Пойдем, я проведу для тебя экскурсию».

Гу Цзянань последовал за ней, когда Е Чен отвела его в спальню напротив своей и указала внутрь: «Это твоя спальня. Завтра сходим и купим тебе письменный стол и ещё вещей».

Сказав это, она повела Гу Цзянань в ванную.

Ее квартира была огромной. Все три спальни имели собственные ванные комнаты. Тщательно продемонстрировав, как пользоваться душем и ванной, Е Чен повернулась и сказала: «Чистые полотенца здесь. Сначала прими душ, я принесу тебе одежду и положу на кровать.»

Гу Цзянань кивнул.

После этого Е Чен вышла. Услышав звук закрывающейся двери, он бесстрастно снял одежду, сел в ванну и включил душ. Он следуя инструкциям Е Чен, нажал на клавишу, чтобы включить легкую музыку.

Звуки музыки и воды были настолько громкими, что он едва мог слышать собственный голос. Горячая вода ударила по коже. Наконец-то у него появилось личное пространство. Сидя в ванне, обняв себя, он громко плакал.

Он ушел!

Он сбежал!

Спустя столько лет кто-то, наконец, забрал его.

В его сердце было нескончаемое количество счастья, сопровождаемое огромным чувством печали, появившимся неизвестно откуда. Эти печали как бы подавлялись, поскольку он не осмеливался думать о них слишком глубоко или прикасаться к ним. Когда он, наконец, больше не мог сдерживаться со всем этим, он, наконец, набрался мужества, чтобы разжечь всю ту боль и печаль, которые были запечатаны им во льду, а затем выплакать все это.

Он крепко прикусил нижнюю губу, опасаясь, что Е Чен может его услышать. Е Чен вошла с одеждой и услышал шум воды, музыку, слабые плачущие звуки.

Если раньше она его жалела, то в момент, когда она услышала его плач, все ее эмоции изменились.

Она вдруг обнаружила, что дорожит этим ребенком.

Она хотела помочь ему.

Не из-за миссии. Даже если бы она была обычным человеком, если бы она увидела такого ребенка, как Гу Цзянань, она бы сделала все возможное, чтобы помочь ему.

Она не хотела мешать его одиночеству и тихо удалилась, как будто она никогда и не заходила.

Спустя долгое время Гу Цзянань наконец вышел. В это время она уже приняла душ. Е Чен, которая сняла макияж, показала свое красивое лицо. У нее было овальное лицо, светлая кожа, четкие и сложные черты. Особенно ее глаза. Она как будто могла разговаривать ими, врожденный наэлектризованный персиковый взгляд.

Мальчики, естественно, взрослеют позже. Е Чен уже начала влюбляться в Чжоу Юйчэн, но в настоящее время после того, как Гу Цзянань увидел такую красивую Е Чен, у него не было других мыслей. Он просто молча чувствовал в своем сердце, что она выглядела намного лучше, чем обычно.

«Иди сюда», — поманила его Е Чен, держа в руке фен. Гу Цзянань послушно сел перед ней. Е Чен включила фен, помогла ему высушить волосы и поболтала с ним.

«Если ты просто сбежишь, твои родители придут в школу, чтобы найти тебя?»

«Нет.» -Гу Цзянань почувствовал легкое щекотание теплого воздуха. Он хотел вести себя лучше и с трудом сказал: «Я… им все равно».

В семье была еще пара младших братьев и сестер. Они ходят в частную начальную школу, которую можно считать элитной. Обычно их не было дома. Вся семья экономит на еде и расходах, чтобы обеспечить этих братьев и сестер. Его родители уже давно не хотели его видеть. Если бы не тот факт, что ему необходима учеба, он ушел бы давным-давно.

Позволить ему ходить в школу — величайшая доброта со стороны родителей. Он также знал, что для того, чтобы бросить такую жизнь, ему нужно ходить в школу.

Но он не мог больше терпеть.

Он все время боялся, что может в любой момент взорваться и утащить их всех в ад. Но рассудок твердил, что ему нельзя. Он должен был продолжать учебу и идти вперед. Его жизнь была еще впереди. Он не может прожить свою жизнь, как куча грязи, как эти двое отбросов.

Он хотел рассказать обо всем этом Е Чен, но не мог. Выслушав его ответ, Е Чен кивнула и спросила систему: «Правда ли то, что он говорит?»

«Это действительно так». Система использовала симуляцию, чтобы рассчитать это, и серьезно сказала: «Если ты хорошо спрячешь его, больших проблем не должно быть».

«Тогда что нам делать, если твои родители придут в школу?» — Е Чен все еще немного волновалась и спросила Гу Цзянань. Она всегда была очень уверена в IQ Босса и давно готова в полной мере использовать его. Гу Цзянань, услышав это, ничего не сказал.

Теплый ветер дул ему на шею, когда мягкая теплая рука провела по волосам.

Он хорошо ел. Он мог спокойно принять ванну. Он мог носить чистую одежду. Он мог спать в теплой постели…

У него была новая жизнь, и все это дала Е Чен.

Она дала ему все это, потому что ошибочно думала, что он ее спас, а он уже не мог отпустить. Он не отпустит, несмотря ни на что.

«Я очень умен, » — он открыл рот и произнес каждое слово одно за другим. Он поднял голову, посмотрел на Е Чен и серьезно сказал: «Я многое умею. Я буду очень выдающимся и богатым в будущем. Я отплачу тебе.»

Е Чен на мгновение замерла, только чтобы обнаружить всю тревогу, отраженную в его глазах, нервно глядящих на нее, когда он медленно сказал: «Так что, не позволь мне вернуться».

Е Чен наконец поняла, что он имел в виду. Каким бы могущественным ни был Босс, в этот момент он был всего лишь шестнадцатилетним мальчиком.

Ее брови изогнулись в улыбке, а глаза заблестели.

«Хорошо.» Она выключила фен. Несмотря на то, что это было сказано таким тоном, как будто она шутила, это вызвало абсолютную серьезность, поскольку ее голос ясно донесся до его ушей: «Я не отпущу тебя назад. Гу Цзянань, я защищу тебя».

«Гу Цзянань, — Е Чен серьезно посмотрела на него, — я покажу тебе, насколько хорош этот мир».

Автору есть что сказать:

Мо Шубай: «Дорогие дамы, что вы думаете о главной героине в этом новом романе?»

Су Цинъи: «Эм… немного слабо. Это немного преуменьшено. Хотите верьте, хотите нет, но если бы это была я, я бы давно обнажила свой меч и перерезала всю семью Гу Цзянань!»

Вэй Лан: «Это действительно немного слабо. Если вам нужен кто-то вроде этого человека, конечно, вам придется обнажить меч, чтобы помочь!

Су Цинъи: «Давай, Вэй Лань, дай пять».

Вэй Лань: «Отклонено».

Су Цинъи: «Почему?»

Вэй Лань: «Я не разговариваю с женщинами, которые не провожают мужчин домой».

Су Цинъи: «…»

Вэй Лань: «Честно говоря, я думаю, что Е Чен гораздо лучше тебя как женщина. По крайней мере, она проводила мужчину домой и помогала ему нести сумки. А ты? Цзинъянь Даоцзюнь всегда помогал тебе с сумками и отправлял домой! Мусор среди женщин! »

Су Цинъи: «…»

Е Чен: «Хе-хе-хе, вы, ребята, продолжаете спорить. Если я изменю себе, это будет считаться проигрышем,.

http://tl.rulate.ru/book/45239/2025324